

18. **Тихонов А. Н.** Синхрония и диахрония в словообразовании / А. Н. Тихонов // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд : Самарк. гос. ун-т, 1972. – С. 351–374.
19. **Улуханов И. С.** Изменение лексической сочетаемости как причина семантических изменений / И. С. Улуханов // Актуальные проблемы лексикологии : тез. докл. 3-й лингв. конф. – Ч. 3, 4. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1971. – 301 с.
20. **Улуханов И. С.** Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания / И. С. Улуханов. – М. : Наука, 1977. – 256 с.
21. **Marchand H.** On attributive and predicative derived adjectives and some problems related to the distinction / H. Marchand. – «Anglia». – 1966. – Bd. 84. – Н. 2.
22. **Marchand H.** The analysis of verbal lexus nexus substantives / H. Marchand. – «Indogermanische Forschungen». – 1965. – Bd. 70. – Н. 1.
23. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / С. И. Ожегов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – [18-е изд., стереотип.]. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.
24. **Словарь современного русского литературного языка** : в 17 т. – М.–Л. : АН СССР, «Наука», 1948–1965.
25. **Толковый словарь русского языка** : в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М. : ОГИЗ, 1935–1940.

Надійшла до редколегії 30.03.10

УДК 811.11'25

Н. И. Билан

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

ПЕРЕВОД НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК РУССКИХ И УКРАИНСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРЕДИКАТАМИ АФФЕКТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ И ОБЛАДАНИЯ

Запропоновано семантико-синтаксичний аналіз варіантів перекладу англійською мовою високочастотних інверсивних синтаксичних конструкцій російської та української мов, які утворені предикатами афективного впливу і володіння.

Ключові слова: переклад, семантико-синтаксична структура, агенс, модальність, каузальність, стан.

Предложен семантико-синтаксический анализ вариантов перевода на английский язык высокочастотных инверсивных синтаксических конструкций русского и украинского языков, образуемых предикатами аффективного воздействия и обладания.

Ключевые слова: перевод, семантико-синтаксическая структура, агенс, модальность, каузальность, залог.

The semantic syntactic analysis of the ways of translating into English frequently used Russian and Ukrainian inverted syntactic structures with the predicates of emotional impact and possession has been carried out.

Key words: translation, semantic syntactic structures, agent, modality, causality, voice.

Данная статья посвящена семантико-синтаксическому анализу вариантов перевода на английский язык инверсивных синтаксических конструкций русского и украинского языков, образуемых предикатами аффективного воздействия и обладания типа *Им нравится эта музыка; У нее много работы; Ей много работы; Ему есть / было / будет задание.* **Целью** статьи является анализ высокочастотных семантико-синтаксических структур украинского, русского и английского языков, до

сих пор порождаючих лінгвістическіє спори. Достиження поставленої цілі здійснюється за допомогою виявлення семантико-синтаксическіє механізмів вираження категорії активності / пасивності в аналізованих висловлюваннях українського, російського і англійського мов, що є задачею даного дослідження.

Предикати, описуючі психіческіє стани людини, згідно порівняльно-історическому дослідженню основних типів індоєвропейських речень, походять з неактивних предикатів *perfecta tantum*, розділених на «стан тіла» і «стан духа». Ці предикати формували І-й тип протоіндоєвропейського речення, складеного з неактивного суб'єкта і неактивного дієслова [7, с. 18].

З предикатами цієї групи пов'язані, наприклад, дієслова *радіватися, боятися, ненавидіти, бачити, содрогатися, здивуватися, думати (о чом-либ), желати, прагнути, вірити, надіятися, знати* [7, с. 18–23]. Ця група предикатів з значенням психіческогo стану людини, за результатами досліджень Г. А. Климова, на які посилається Ю. С. Степанов, знаходить повне типологічне співвідношення в так званих афективних дієсловах картвельських мов, і в тому числі грузинської. В плані вираження афективні дієслова грузинської мови мають характерні особливості: во всіх трьох рядах часів (присвійній, аористній і перфектній) вони формують інверсійну конструкцію речення – суб'єкт виражається дательним падежом, а в дієслові відбувається інверсія показувачів суб'єкта і об'єкта – дієслово згоджується не з суб'єктом, а з об'єктом. За першою особливістю (дательному падежу суб'єкта) ця конструкція аналогічна всім індоєвропейським: рос. *Мне холодно*. За другою рисою, об'єктному згоджуванню, вона подібна до структури латинського речення *Mihi pater colendus est* – лат. *Мне слід почитати батька*, де *pater* – формальний підлеглий в номінативі, але не суб'єктом, а об'єктом дії, так як в більш архаїчному латинському обороті семантичний об'єкт є не підлеглим, а прямим доповненням в аккузативі: *Patrem mihi colendum est* [7, с. 32–33].

Крім дієслів сприйняття і випробування почуттів, до класу інверсивних дієслів в грузинській мові входять ще дієслова володіння. За спостереженнями Э. Бенвениста, во всіх мовах розвиток конструкції володіння йде від синтаксическої конструкції, подібної латинській *mihi est – мне есть* до дієслова володіння типу латин. *habeo* [2, с. 212]. Ю. С. Степанов наводить дані Ю. Г. Кортова, який з допомогою цього положення показав, що всі грузинські інверсивні дієслова мають одну глибоку семантику – «стан володіння». Різноманітністю конструкції *єсть у мене* в індоєвропейських мовах є *єсть мне*, наприклад, *Jam buvo trys broliai* – лит. *Ему были три брата*. Слід відзначити і ще одну дуже важливу для розкриття семантики перфекта мовний механізм – всі перехідні дієслова грузинської мови, але тільки в перфектній групі часів, формують інверсійну конструкцію. За відсутності семантики психіческогo стану в цьому випадку явним значенням, що об'єднує всі групи дієслів, що формують інверсійну конструкцію, є значення «стан володіння». Саме це значення, за думкою Ю. С. Степанова, лежить в основі індоєвропейскогo перфекта [7, с. 33].

Зв'язок між станом і володінням відображений в назві Категорії 8 «Володіння» (Стан) Аристотеля, яку філософ демонструє формами грецькогo перфекта (цит. по: [2, с. 110; 6, с. 127; 8]).

Слід відзначити, що в російській і українській мовах зберігається ця інверсійна конструкція в предикаціях типу *Мне есть / было / будет задание, ис-*

пытание, указание, предостережение; Мне был / будет сон, знак; Мені є / було / буде завдання, випробування, вказівка, попередження; Мені був / буде сон, знак.

Русская и украинская структуры со значением обладания *У нее много работы; У нее нет работы; У неї багато роботи; У неї немає роботи* трансформируются в конструкции с дательным падежом и факультативной модальностью необходимости, усиливающей сему зависимости денотата, идентифицируемого личным местоимением от наличия или отсутствия *работы* – *Ей много работы; Ей нечего делать; Ей нужно сделать много; Ей ничего не нужно делать; Їй багато роботи; Їй немає чого робити; Їй треба зробити багато; Їй не треба нічого робити*. Значение предопределенности действий или состояния элемента семантической структуры высказываний, соответствующего поверхностному субъекту, отражено и в таких предложениях русского и украинского языков, как *Что мне делать с кем-либо / чем-либо? Что я должен (могу) с ним / с собой / с этим делать?; Що мені робити з ким-небудь / чим-небудь? Що я повинен (можу) з ним / з собою / з цим робити?*, также оформляемых модальностью необходимости или возможности. В последнем примере модальность возможности, хотя и отличается от модальности необходимости степенью сообщаемой элементу в позиции подлежащего свободы в принятии решения относительно каких-либо действий, все же определенно говорит об отсутствии той степени свободы действий и контролируемости ситуацией, которая присуща агенсу. То же можно сказать и о примере *У нее много работы, которую она может / должна сделать; У неї багато роботи, яку вона може / повинна зробити*. Возможность сделать данную работу предопределяется наличием последней. В отрицательном варианте этого примера *У нее нет работы; Ей нечего делать; У неї немає роботи; Їй немає чого робити* полное отсутствие возможности сделать некоторую работу сообщает ситуации значение полного отсутствия контроля со стороны субъекта поверхностной структуры предложения.

Очевидно эту сему модального глагола *can* – англ. *мочь, быть в состоянии* имеет в виду Г. Г. Сильницкий, когда, объединяя модальные глаголы английского языка *can* – англ. *мочь, быть в состоянии; may* – англ. *мочь, иметь разрешение и must* – англ. *быть обязанным* в группу потенциальных предикатов, этот лингвист говорит о том, что данные глаголы имплицитно подразумевают ненамеренное терминальное состояние объекта, которому предиктируются данные потенциальные глаголы [5, с. 377].

Разрабатывая логико-семантические аспекты языка, Г. Г. Сильницкий постулирует ряд значительных положений о семантических доминантах семантических структур предложений, одной из которых является объект обладания. Этот лингвист вычленяет в ситуациях, моделируемых высказываниями, константы и переменные. Первые автор называет актантами, вторые – состояниями актантов. В том случае, если состояние имеет два носителя данного состояния, оно называется реляционным и его актантами могут чаще всего быть связаны отношением субординации, то есть выполнять различные – доминантную и субординантную – функции в ситуации. Под доминантой понимается более стабильный, под субординантой – менее стабильный элемент ситуации. Одним из двух основных подтипов субординации является адъекция. В основе адъекции лежит понятие принадлежности, формулируемое следующим образом: А имеет Б. Б – объект обладания, выступающий в роли доминанты. Приобъектный актанта, выполняющий субординантную функцию, называется адъектом – А. Г. Г. Сильницкий называет в таких реляционных состояниях доминантой объект на том основании, что он является потенциальным субъектом. «Принадлежность» определяется в данном исследовании как «возможность применения»: А имеет Б означает, что А может использовать Б [5, с. 379].

О типологической важности способа выражения категории посессивности пишет Т. В. Булыгина, указывающая на тот факт, что «...особенности выражения посессивных отношений были положены в основу деления языков мира на два класса: класс языков, широко использующих в этой функции конструкции типа лат. *mihī est liber* ‘у меня (букв. ‘мне’) есть книга’, и класс языков, предпочитающих конструкции типа лат. *habeo librum* ‘я имею книгу’ (мы будем называть эти два класса Е-языками и Н-языками – по первым буквам соответствующих латинских глаголов)» [3, с. 13].

Среди комплекса явлений, связанных с этой типологической характеристикой, Т. В. Булыгина отмечает тенденцию к грамматикализации данных глаголов, воплощающуюся в перфектных конструкциях, и использованию соответствующих глаголов для передачи значения долженствования [3, с. 19–20].

Семантически доминантная роль объекта обладания и субординантная роль субъекта обладания, оформляемого в русском и украинском языках косвенными падежами, находят соответствующее выражение и в английском языке – позицией предложного дополнения для одушевленного субъекта обладания в предложениях типа *There is a lot of / much work for her to do; There is no work for her to do*. Роль семантического объекта воздействия, отводимая одушевленному партиципantu в ситуациях обладания в английском языке, подтверждается семантико-синтаксическими структурами следующих предложений, передающих значение русских и украинских предложений типа *У нее много работы; У нее нет работы; Ей нужно сделать много; Ей ничего не нужно делать; Їй багато роботи; Їй немає чого робити; Їй треба зробити багато; Їй не треба нічого робити, Що мне делать с кем-либо / чем-либо? Что я должен с ним / с собой / с этим делать?; Що мені робити з ким-небудь / чим-небудь? Що я повинен з ним / з собою / з цим робити?*, – англ. *There is a lot of / much work that she must / has to / has got to do; There is no work that she must / has to / has got to do; What must I / do I have to / have I got to do with smth / smb?; What must I / do I have to / have I got to do with him / myself / this?*. В данных английских предложениях модальность необходимости, диктуемая объектом обладания, может выражаться в том числе и грамматикализированным использованием предиката обладания, сочетающего в себе сему обладания и производных от нее сему долженствования *have to do* и перфекта, образующего модальную конструкцию *have got to do* со значением обладания и долженствования.

Субординантность роли одушевленного партиципанта инверсивных русских и украинских конструкций типа *Мне есть / было / будет задание / указание / предостережение; Мені є / було / буде завдання / вказівка / попередження* в английском языке, не имеющем свободного порядка слов в предложении, свойственного флективному языку, передается пассивным залогом – *I have been / was / will be given a task / an assignment; I have been / was / will be assigned / ordered to do smth / warned*.

Аналогию русской инверсивной конструкции с предикатами психических состояний человека исторически образовывали аффективные предикаты английского языка. О. Есперсен объясняет происшедший переход от употребления выражений типа *Him like oysters* – англ. *Ему нравятся устрицы; Їйому подобаються устриці; Him dreams a strange dream* – англ. *Ему снится странный сон; Їйому сниться дивний сон*; к использованию выражений типа *He likes oysters* – англ. *Он любит устрицы; Їйому подобаються устриці; He dreams a strange dream* – англ. *Он видит странный сон; Він бачить дивний сон* тем обстоятельством, что форма имен существительных в начальной позиции предложений с этими предикатами не показывала, что они являются дополнениями: ср. *The king dreamed...* – англ. *Королю снилось....* Этот сдвиг формальных показателей именных групп в начальной позиции

повлек за собою изменения в значениях глаголов: по мнению О. Есперсена, глагол *like*, который первоначально имел значение *нравиться*, стал означать *любить* [4, с. 182]. С таким современным значением глагола *like* не согласен Ч. Филлмор [9, с. 430], к мнению которого мы присоединяемся на том основании, что значением *любить* обладает английский глагол *love*, а глагол *like* передает менее сильное эмоциональное состояние и сохраняет за собой значение *нравиться кому-либо*.

Однако нельзя отрицать и тот факт, что произошло некоторое изменение в семантике глагола, а именно: увеличение степени агентивности субъекта, которому предикруется данное состояние, что происходит за счет изменения падежной формы выражения поверхностного субъекта – объектный падеж сменяется именительным падежом. Тем не менее семантика предиката сохраняет сему ‘воздействие, исходящее от объекта восприятия и направленное на субъект восприятия’, что позволило субъекту восприятия исторически подняться только от семантического падежа «объект» к семантическому падежу «датель» в трактовке этого развития значения семантики аффективных предикатов *like* – англ. *нравиться*, *want* – англ. *хотеть*, *think* – англ. *думать*, *dream* – англ. *сниться* Ч. Филлмором [9, с. 430; 10, с. 500].

Н. Д. Арутюнова квалифицирует конструкции с предикатом *нравиться* как пассивные. В ее анализе диспозициональных предикатов глагол *любить* противопоставляется глаголу *нравиться* по способности образовывать активную конструкцию: глагол *любить* обладает этой способностью, глагол *нравиться* – нет. Семантически это, по мнению автора, объясняется наличием желания, являющегося активным началом в ситуациях, обозначаемых глаголом *любить*, и отсутствием стимула к действию в ситуациях, обозначаемых глаголом *нравиться* [1, с. 92].

Трудно согласиться, на наш взгляд, с такой трактовкой предложений с глаголом *нравиться*. Эти предложения являются активными, так как в них есть семантический субъект (агенса), который соответствует субъекту поверхностной структуры (например, *некто*, оформленный именительным падежом) и который оказывает аффективное воздействие на семантический объект, соответствующий объекту поверхностной структуры (*кому-то*, оформленному дательным падежом). Это утверждение Н. Д. Арутюновой, очевидно, было сделано относительно частотных структур, таких, как, например, *Ему нравится она* с коммуникативно выделяемым объектом воздействия, помещаемым в начальную позицию, и в силу своей частотности воспринимаемых как не эмфатические, а нормативные, в которых начальную позицию занимает субъект поверхностной структуры. Таким образом, сема аффективного воздействия сигнификата предложений с глаголом *нравиться* обуславливает частотность коммуникативного выделения объекта аффективного воздействия и вероятность восприятия семантического компонента неактивности как основного значения семантических структур таких предложений.

Выявленные в результате данного семантико-синтаксического исследования данные свидетельствуют об общности принципов ролевого моделирования когнитивных сцен, лежащих в основе типологически значимых синтаксических структур, образуемых предикатами аффективного воздействия и обладания, русского, украинского и английского языков, что указывает на фундаментальную общность языковых картин мира русско-, украино- и англоязычных участников коммуникации и что должно получать соответствующее выражение в практике перевода. Изучение семантико-синтаксических соответствий, особенностей и различий средств перевода высокочастотных и в поверхностной структуре элементарных высказываний русского и украинского языков является, безусловно, перспективной областью развития теории перевода.

Библиографические ссылки

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 338 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю. Н. Караулова, В. П. Мурат и др. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
3. Булыгина Т. В. 'Быть' или 'иметь'? (О некоторых фреквенталиях, связанных со способом выражения посессивных отношений) / Т. В. Булыгина // Сущность, развитие и функции языка. – М. : Наука, 1987. – С. 12–24.
4. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен; пер. с англ. В. В. Пассека. – М. : Иностранная литература, 1958. – 404 с.
5. Сильницкий Г. Г. Семантические типы ситуаций и семантические классы глаголов / Г. Г. Сильницкий // Проблемы структурной лингвистики 1972. – М. : Наука, 1973. – С. 372–391.
6. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения: Семантико-грамматика / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
7. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1989. – 247 с.
8. Степанов Ю. С. К универсальной классификации предикатов / Ю. С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. – 1980. – Т. 39, № 4. – С. 311–323.
9. Филлмор Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1981. – Вып. X : Лингвистическая семантика. – С. 369–496.
10. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1981. – Вып. X : Лингвистическая семантика. – С. 496–531.

Надійшла до редколегії 10.06.10

УДК 801.311

М. В. Богачева

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

АРГУМЕНТАТИВНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ И ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Розглянуто різні підходи до розуміння понять «стратегія» і «тактика» та їх класифікацій. На основі аналізу російськомовних публікацій в електронних ЗМІ України, що містять аргументативний дискурс, розроблено власну класифікацію тактичних прийомів реалізації аргументативної стратегії здійснення впливу.

Ключові слова: комунікативна стратегія, комунікативна тактика, аргументативний дискурс, лінгвістичні маркери.

Рассмотрены различные подходы к пониманию понятий «стратегия» и «тактика» и их классификаций. На основе анализа русскоязычных публикаций в электронных СМИ Украины, содержащих аргументативный дискурс, разработана собственная классификация тактических приемов реализации аргументативной стратегии осуществления воздействия.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, аргументативный дискурс, лингвистические маркеры.